

УДК 347.9

ПРОБЛЕМА ЧРЕЗМЕРНОГО ФОРМАЛИЗМА И ПРАВО НА ДОСТУП К СУДУ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

Татьяна ЦУВИНА,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются случаи нарушения права на справедливое судебное разбирательство, закреплённого в п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в частности нарушения права на доступ к суду из-за чрезмерного формализма, допущенного национальными судами первой и высших инстанций при рассмотрении гражданских дел. Анализ проводится через призму принципа верховенства права, который является основополагающим принципом права в демократическом обществе. Анализ практики Европейского суда по правам человека позволяет автору выделить конкретные правила, которых должны придерживаться национальные суды при толковании норм гражданского процессуального законодательства, чтобы избежать чрезмерного формализма.

Ключевые слова: чрезмерный формализм, доступ к суду, право на справедливое судебное разбирательство, верховенство права, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский суд по правам человека.

THE PROBLEM OF EXCESSIVE FORMALISM AND THE RIGHT TO ACCESS TO THE COURT IN CIVIL CASES IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLE OF THE RULE OF LAW

Tatiana TSUVINA,
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of Civil Procedure Department
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article is devoted to the cases of violation of the right to a fair trial, enshrined in paragraph 1 of Art. 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, particularly the violation of the right to an access to court because of the excessive formalism, allowed by national courts of first instance and higher courts in civil cases. The analysis is conducted through the prism of the principle of the rule of law, which is recognized as a fundamental principle of law in a democratic society. An analysis of the case law of the European Court of Human Rights allows the author to identify the specific rules that national courts must follow in civil procedure in order to avoid excessive formalism.

Key words: excessive formalism, access to court, right to a fair trial, rule of law, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, European Court of Human Rights.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. Процессуальное право предусматривает необходимость строгого соблюдения требований процессуальной формы, которая должна соответствовать стандартам права на справедливое судебное разбирательство. При этом принцип правовой определённости требует, чтобы процессуальные нормы были сформулированы с достаточной степенью чёткости и были предсказуемыми для участников дела. В отечественной доктрине гражданского процессуального права общепризнанно, что в гражданском процессе действует специально-дозволительный способ правового регулирования, смысл которого сводится к формуле: «разрешено то, что прямо предусмотрено зако-

ном», вместе с этим фактическое поведение участников дела, то есть действия, которые не регламентированы процессуальным законодательством, не допускаются. При этом неукоснительное соблюдение процессуального регламента требуется как от суда, так и от участников производства, ведь его несоблюдение может свидетельствовать о нарушении п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ). Однако практика Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) показывает, что в некоторых случаях слепое следование нормам процессуального законодательства может исказить саму суть права на справедливое судебное разбирательство. Такое явление в практике ЕСПЧ получило название чрезмер-

ного формализма, и его исследование составляет большой интерес с точки зрения переосмысления догматических положений отечественной доктрины гражданского процессуального права касательно принципа законности, гражданской процессуальной формы и дискреционных полномочий суда в контексте основополагающего принципа верховенства права.

Состояние исследования проблематики. Проблеме чрезмерного формализма не уделялось должное внимание на страницах научной литературы. Среди редких исследований по этой проблематике необходимо вспомнить статьи Я.А. Берназюка и Н.Ю. Сакары. Наряду с этим комплексного исследования феномена «чрезмерного формализма» в гражданском судопроизводстве

в его взаимосвязи с принципом верховенства права в литературе не проводилось.

Целью статьи является исследование феномена чрезмерного формализма сквозь призму практики ЕСПЧ о нарушении права на доступ к суду в гражданском судопроизводстве в контексте основополагающего принципа верховенства права.

Изложение основного материала. Прежде всего стоит заметить, что появление в практике ЕСПЧ решений, в которых критикуется слишком формальный подход к применению норм процессуального законодательства не свидетельствует об отрицании важности концепта законности в рамках конвенциональной системы, который является одним из ключевых элементов принципа верховенства права, на чём неоднократно акцентировал внимание сам ЕСПЧ. В его практике, в частности, отмечается, что соблюдение формальных норм гражданского судопроизводства, которые позволяют сторонам по делу достигать урегулирования гражданского спора, является полезным и важным, ведь оно может ограничить дискреционные полномочия, обеспечить равенство процессуальных возможностей сторон по делу, предупредить произвол, способствовать эффективному рассмотрению спора и разрешению его в разумный срок, а также гарантировать правовую определённость и уважение к суду [1].

Стоит заметить, что в рамках конвенционной системы понятие чрезмерного формализма употребляется ЕСПЧ при проверке приемлемости жалоб в соответствии со ст. 35 ЕКПЧ. В частности, в этом контексте отмечается, что ст. 35 ЕКПЧ относительно требования об исчерпании всех внутренних средств правовой защиты должна применяться с определённой степенью гибкости и без чрезмерного формализма [2, с. 3]. ЕСПЧ неоднократно подчёркивал, что это правило следует применять с должным вниманием к контексту. Такое правило не является абсолютным и не может применяться автоматически; решая этот вопрос важно учитывать конкретные обстоятельства дела. Это означает, что среди прочего ЕСПЧ должен учитывать не только наличие официальных средств защиты в правовой системе

Договаривающейся Стороны, однако и общий правовой контекст, в котором они действуют, а также личные обстоятельства заявителя. ЕСПЧ должен проанализировать с учётом всех обстоятельств дела, приняли ли заявители все разумные меры, чтобы исчерпать национальные средства правовой защиты [4]. Интересно, что в дальнейшей практике ЕСПЧ подчеркнул, например, в деле *“Sovtransavto Holding v. Ukraine”*, что аналогичный подход с соответствующими изменениями должен применяться и к случаям нарушения п. 1 ст. 6 ЕКПЧ [5]. Из этого следует, что сначала понятие чрезмерного формализма использовалось в контексте определения приемлемости жалоб, подаваемых в ЕСПЧ, то есть при решении вопроса о доступе к самому ЕСПЧ, однако со временем созвучный подход начал применяться и к делам, в которых подымался вопрос о нарушении права на доступ к национальным судам в контексте п. 1 ст. 6 ЕКПЧ.

Чаще всего вопрос чрезмерного формализма возникал в практике ЕСПЧ при рассмотрении дел о нарушении права на доступ к суду, когда национальные суды применяли нормы, регулирующие приемлемость исковых заявлений или апелляционных, или кассационных жалоб, непоследовательно или с особой строгостью и, как следствие, вообще отказывали в рассмотрении дела или допуске к пересмотру дела судами высших инстанций. В этом контексте ЕСПЧ неоднократно отмечал, что право на доступ к суду не является абсолютным, а должно подлежать ограничениям, ведь имплицитно предполагается необходимость его регулирования со стороны государства. В связи с указанным неоднократно подчёркивалось, что само по себе наличие требований к исковому заявлению или апелляционным либо кассационным жалобам, например, установление сроков исковой давности или сроков обжалования решений, необходимость подачи копий документов в соответствующем количестве, необходимость прохождения определённых процедур как условия для открытия производства (в частности, претензионного порядка, медиации и т.д.), установление денежного порога для обжалования судебных решений, обязательное представительство адвокатом лица в судах выс-

ших инстанций и т.д., – легитимными ограничениями права на доступ к суду, которые преследуют легитимную цель надлежащего осуществления правосудия. Наряду с этим при рассмотрении жалоб на нарушение п. 1 ст. 6 ЕКПЧ ЕСПЧ каждый раз оценивает, не привело ли использование соответствующих правил приемлемости жалобы к чрезмерному формализму со стороны суда, что лишило лицо права на доступ к суду и противоречило самой сути такого права [6].

Анализируя дела, в которых ЕСПЧ констатировал нарушение права на доступ к суду из-за чрезмерного формализма со стороны национальных судов, можно сделать вывод, что в целом указанные ситуации касаются реакции национальных судов на формальные ошибки при обращении в суды первой или высших инстанций, допущенных теми или иными лицами, в частности, сторонами, их представителями, работниками суда, другими должностными лицами. В связи с указанным проанализированные решения можно объединить в несколько ключевых групп и предложить правила, которые должны применяться национальными судами с целью недопущения чрезмерного формализма при выявлении таких ошибок, которые могут быть сведены к нескольким ключевым положениям.

Во-первых, *сторона не может отвечать за ошибку, которая не зависела от её воли и была допущена представителями органов государственной власти или третьими лицами, уполномоченными на совершение отдельных функций во время производства по делу.* Во многих делах заявители были лишены права на доступ к суду из-за того, что работниками суда, других государственных органов или другими лицами были совершены ошибки на этапе подачи или регистрации исковых заявлений, что привело к нарушению формальных требований их приемлемости, в результате чего лицам было отказано в праве на доступ к суду. Иначе говоря, можно сделать вывод, что по общему правилу в вину сторонам могут ставиться только их собственные ошибки при обращении в суд или обжаловании судебных решений. Дела, отнесённые к указанной категории, можно условно разделить на две группы в зависимости

от того, кем были допущены соответствующие ошибки. К первой группе относятся дела, где ошибка была допущена должностными лицами суда или другими государственными органами. Так, наличие чрезмерного формализма констатировалось в деле “*Boulougouras v. Greece*”, где кассационная жалоба была признана неприемлемой из-за отсутствия на ней подписи судебного регистратора. В связи с этим ЕСПЧ отметил, что национальный суд наказал заявителя за чисто канцелярскую ошибку, что является недопустимым, ведь скрепление подписью процессуального документа, который подаётся в суд, является обязанностью судебного регистратора [7]. Аналогичная ситуация имела место и в случае, когда офицер полиции, который был ответственным за регистрацию жалоб в Высший административный суд, так как национальное законодательство предусматривало возможность подавать такие жалобы через органы полиции, не внёс регистрационный номер жалобы в депозитную ведомость, как того требовало национальное законодательство [8]. Ко второй группе относятся дела, где ошибка была допущена другими лицами, уполномоченными на осуществление определённых действий во время производства по делу. Так, в деле “*Platakou v. Greece*” апелляционный суд допустил чрезмерный формализм, отказав в принятии жалобы из-за пропуска срока апелляционного обжалования, несмотря на то, что судебным исполнителем, который отвечал за доставку документов, письменно была признана ошибка относительно несвоевременной передачи документов, невзирая на своевременное их получение от адвоката стороны. В этом деле, несмотря на отсутствие статуса государственного служащего у судебного исполнителя, который по национальному законодательству считался представителем свободной профессии, ЕСПЧ пришёл к выводу, что государство, возложившее на него функции вручения судебных документов, должно было учесть его ошибку как уважительную причину пропуска срока, которая не зависела от воли стороны, и принять её жалобу [9].

Во-вторых, *если национальное законодательство или национальная практика предусматривает возмож-*

ность подачи иска или жалобы в суд высшей инстанции путём заполнения стандартного формуляра, то требования, изложенные в нём, должны быть чёткими и понятными для лица, а в случае наличия двусмысленности положения должны толковаться в пользу участника дела.

Стоит отметить, что в практике многих зарубежных государств используются так называемые формуляры или стандартизированные формы, с помощью которых лицо может обратиться в суд или подать апелляционную либо кассационную жалобу. Указанные формы могут предоставляться в суде работниками суда или размещаться на сайтах судов для самостоятельной распечатки или заполнения онлайн. В одном из дел ЕСПЧ обратил внимание на качество таких форм и необходимость при их составлении соблюдения требований чёткости и ясности для участников дела. Так, в деле “*Shuli v. Greece*” суд признал апелляционную жалобу заявителя, поданную путём заполнения предоставленной канцелярией суда формы, неприемлемой из-за отсутствия в ней надлежащего обоснования. Жалуясь на нарушение п. 1 ст. 6 ЕКПЧ, заявитель отмечал, что из содержания формы он считал жалобу поданной, ведь она содержала фразу: «с просьбой отменить обжалуемое решение и освободить его от обвинения по причинам, которые он изложит в Апелляционном суде», что давало ему обоснованные причины полагать, что обоснование жалобы не следует включать в форму, так как мотивы могут быть представлены в суде апелляционной инстанции. ЕСПЧ в этом деле заметил, что в противовес утверждению правительства нельзя было обоснованно предположить, что пустое пространство после вышеуказанной фразы было предназначено для обоснования причин обжалования, поскольку, если бы это было так, пустое пространство размещалось бы сразу за фразой «по причинам...», что давало бы основание полагать, что вышеупомянутая фраза должна быть завершена. Учитывая также конкретные обстоятельства данного дела, а именно: подачу апелляционной жалобы самостоятельно без участия адвоката; пребывание в наручниках во время её составления и подписания, что могло повлечь неудобства в деталь-

ном ознакомлении с текстом; наличие стандартной национальной практики, которая не требовала приведения конкретных оснований для обжалования; присутствие регистратора, который составлял отчёт о подаче апелляционной жалобы и мог обратить внимание на несоблюдение заявителем формальных требований к жалобе; тяжесть наказания, к которому был приговорён заявитель, – ЕСПЧ сделал вывод, что национальный суд допустил чрезмерный формализм, который привёл к нарушению права на доступ к суду [10]. Несмотря на то, что указанное дело касалось уголовного судопроизводства, считаем, что аналогичное правило должно применяться и в гражданском судопроизводстве в случаях возможности подачи искового заявления или жалоб в суды высших инстанций путём заполнения соответствующих форм.

В-третьих, *если ошибка была допущена заявителем, то ему должна быть предоставлена реальная возможность устранить такую ошибку.* В этом контексте обращает на себя внимание группа дел, в которых заявители подавали иски или апелляционные жалобы, находясь в местах лишения свободы, а национальные суды признавали их неприемлемыми из-за отсутствия должного количества копий документов. Несмотря на сходство указанных дел, ЕСПЧ, однако, приходил в них к противоположным выводам, исходя из конкретных обстоятельств дела. Ключевые моменты, на которые обращалось внимание ЕСПЧ, сводились к выяснению следующих вопросов: а) было ли лицо уведомлено о необходимости исправления недостатков?; б) предоставлялся ли лицу срок для исправления соответствующих недостатков?; в) имело ли лицо представителя по делу?; г) приняло ли лицо необходимые меры для устранения соответствующих недостатков? Так, в деле “*Parol v. Poland*” национальный суд признал жалобу заявителя неприемлемой из-за отсутствия её копии. ЕСПЧ констатировал нарушение п. 1 ст. 6 ЕКПЧ в этом деле, так как сначала заявитель, который находился в местах лишения свободы, не был проинформирован об обязанности подать апелляционную жалобу в нескольких копиях, а в дальнейшем

проявил добросовестность, которая обычно требуется от стороны гражданского судопроизводства, ведь просил национальный суд предоставить ему копию своей первоначальной апелляционной жалобы и, когда на его просьбу не было получено ответа, он подал в суд рукописную копию его первоначальной жалобы [11]. В свою очередь в деле “*Kunert v. Poland*” ЕСПЧ счёл действия национального суда об отказе в принятии искового заявления из-за непредоставления его копий вполне обоснованными, ведь несмотря на то, что заявитель был заблаговременно извещён о необходимости подачи всех документов в двух экземплярах, он подал своё заявление в одном экземпляре и не предпринял никаких дальнейших мер по выполнению этого требования суда, а, следовательно, не продемонстрировал усердия, которое обычно ожидается от стороны гражданского производства [12].

В-четвертых, *суд должен учитывать обстоятельства конкретного дела и если ошибка, допущенная стороной, не может быть исправлена в силу объективных обстоятельств, а дальнейшее требование исправить ошибку приводит к лишению лица права на доступ к суду, то суд должен допустить дело к рассмотрению*. Иначе говоря, иск не может быть признан неприемлемым из-за невыполнения требования суда, которое невозможно выполнить. Так, в деле “*Sergey Smirnov v. Russia*” национальный суд возвратил исковое заявление истцу в связи с тем, что последний не выполнил требование суда указать в исковом заявлении адрес истца. ЕСПЧ обратил внимание на то, что заявитель в этом деле не имел постоянного места жительства или регистрации, на что он обращал внимание в своём заявлении, и поэтому не мог выполнить требование суда, указав вместо него почтовый адрес для корреспонденции. ЕСПЧ отметил, в этом деле у национальных судов фактически отсутствует потребность знать место жительства истца, чтобы проверить соблюдение правил о подсудности, ведь заявление подавалось в суд по месту нахождения ответчика, как того требует национальное законодательство. Место жительства также не было единственным действительным контактным адресом, очевид-

но, что было достаточно почтового адреса, указанного заявителем, для поддержания с ним связи. Как результат, ЕСПЧ констатировал, что национальные суды проявили чрезмерный и необоснованный формализм, настаивая на том, чтобы заявитель указал место жительства, то есть на требования, о котором было точно известно, что заявитель не сможет его выполнить [13].

В-пятых, *суд должен принимать во внимание содержание предоставленных документов, а не только их форму*. В ряде дел ЕСПЧ обратил внимание на то, что национальные суды должны более скрупулёзно подходить к изучению поданных документов, решая вопрос об открытии производства в судах первой и высших инстанций, учитывать скорее содержание предоставленных документов, а не только их формальное выражение. Так, в деле “*Frida, LLC v. Ukraine*” чрезмерный формализм заключался в том, что Высший хозяйственный суд Украины вернул заявителю кассационную жалобу из-за отсутствия ходатайства о восстановлении срока на кассационное обжалование, несмотря на то, что сопроводительное письмо, приложенное к жалобе, содержало все типичные признаки такого ходатайства, кроме соответствующего названия. По этому поводу ЕСПЧ отметил, что, хотя это, возможно, и является недостатком, однако в этом деле этот недостаток не был решающим и достаточным для того, чтобы не принять во внимание весь документ [14]. Другим подобным случаем является случай, когда национальный суд признал кассационную жалобу необоснованной и, как результат, неприемлемой в связи с кратким изложением её мотивов. Так, в деле “*Reklos and Davourlis v. Greece*”, которое касалось нарушения права на уважение частной жизни в результате фотографирования новорождённого ребёнка заявителей в роддоме без их разрешения, кассационный суд отказал заявителям в допуске жалобы к производству из-за того, что кассационная жалоба была изложена недостаточно чётко, в частности «заявители не изложили в ней факты, которыми обосновывалось решение апелляционного суда, который отклонил их жалобу». Анализируя указанное дело, ЕСПЧ

отметил, что Кассационный суд Греции допустил чрезмерный формализм в этом деле, приводя следующие аргументы. Во-первых, единственным основанием для обжалования был вопрос того, как апелляционный суд истолковал положения закона, применённые в деле, поэтому одновременное изложение обстоятельств дела, установленных апелляционным судом, не было обязательным для осуществления пересмотра Кассационным судом. Во-вторых, основные факты по делу не были особо сложными для рассмотрения кассационным судом, ведь только одно обстоятельство было действительно важным, а именно возраст ребёнка в момент совершения фотографии, которое составляло вмешательство в частную жизнь, однако этот момент был понятен из мотивов апелляционного суда, воспроизведённых в кассационной жалобе. В-третьих, обжалуемое решение апелляционного суда предоставлялось вместе с кассационной жалобой, поэтому Кассационному суду не составляло труда ознакомиться с текстом решения и проверить достоверность одного простого факта, о котором упоминалось в кассационной жалобе [15].

В-шестых, *при толковании норм должен применяться принцип разумности: норма должна толковаться таким образом, чтобы сделать судебную защиту реальной и возможной*. Так, в деле “*Esim v. Turkey*” ЕСПЧ констатировал наличие чрезмерного формализма в связи с тем, что Верховный военный административный суд отказал в рассмотрении иска заявителя о возмещении вреда, так как он был подан с нарушением сроков исковой давности. ЕСПЧ в своём решении отметил, что положение об исковой давности в пять лет толковалось судом слишком формально, а именно с момента ранения истца в 1995 году, несмотря на то, что наличие осколка от ранения было обнаружено только в 2004 году в процессе обследования заявителя. В связи с указанным ЕСПЧ отметил, что было бы глупо ожидать подачу иска после ранения, когда лицо даже не знало об осколке, оставшемся в его голове [16].

В-седьмых, *более строгие правила приемлемости жалобы и последствия её несоответствия требовани-*

ям закона могут применяться в суде кассационной инстанции, если дело лица уже рассматривалось в судах первой и апелляционной инстанции. Так, в деле “*Levages Prestations Services v. France*” ЕСПЧ счёл правомочным признание кассационной жалобы, к которой не была приложена копия обжалуемого решения, неприемлемой, несмотря на отсутствие законодательного предписания о возможности исправления недостатков кассационной жалобы, так как в суде кассационной инстанции существовало правило об обязательном представлении адвокатом, что допускало применение более жёстких требований, особенно учитывая тот факт, что дело уже рассматривалось судами двух инстанций [17]. В деле “*Edificaciones March Gallego S.A. v. Spain*” компания-заявитель настаивала на формальной ошибке, которая проявилась в том, что кассационная жалоба по делу, в котором она и её директор были соответчиками, была подана от имени директора, а не от имени компании, что впоследствии нарушило её право на доступ к суду кассационной инстанции. ЕСПЧ, согласившись с национальными судами, отметил, что за ошибку, которую допустил директор компании, подавая жалобу от своего имени, а не от имени компании, не могут отвечать национальные суды, ведь она не могла быть исправлена и не затрагивала права компании на доступ к суду [18].

Выводы. Проведённый анализ практики ЕСПЧ позволяет сделать вывод, что в настоящее время требование неукоснительного соблюдения норм процессуального законодательства при осуществлении судопроизводства требует переосмысления в контексте феномена чрезмерного формализма, под которым следует понимать слишком формальное толкование и применение норм гражданского процессуального права, в результате которого соблюдение процессуального регламента приводит к нарушению права человека на справедливое судебное разбирательство или лишает его этого права. Национальные суды должны избегать чрезмерного формализма в своей деятельности, что способствует утверждению принципа верховенства права в демократическом обществе и обеспечению на национальном уровне

не международных стандартов справедливого правосудия.

Список использованной литературы:

1. Zubac v. Croatia, No. 40160/12, 05 April 2018. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181821>.
2. Ringeisen v. Austria, No. 2614/65. 16 July 1971. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57565>.
3. Vučković and Others v. Serbia, No. 17153/11, 25 March 2014. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-142199>.
4. Lepojic v. Serbia, No. 13909/05, 06 November 2007. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-83068>.
5. Sovtransavto Holding v. Ukraine, No. 48553/99, 25 July 2002. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60634>.
6. Ashingdane v. United Kingdom, No. 8225/78, 28 May 1985. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57425>.
7. Boulougouras v. Greece, No. 66294/01, 27 May 2004. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61786>.
8. S.A. Sotiris et Nikos Koutras Attee v. Greece, No. 39442/98, 16 November 2000. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-63655>.
9. Platakou v. Greece, No. 38460/97, 11 January 2001. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59125>.
10. Shuli v. Greece, No. 71891/10, 13 July 2017. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175158>.
11. Parol v. Poland, No. 65379/13, 11 October 2018. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187084>.
12. Kunert v. Poland, No. 8981/14, 04 April 2019. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-192076>.
13. Sergey Smirnov v. Russia, No. 14085/04, 22 December 2009. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-96399>.
14. Frida, LLC v. Ukraine, No. 24003/07, 08 December 2016. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-169214>.
15. Reklos and Davourlis v. Greece, No. 1234/05, 15 January 2009. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90617>.
16. Esim v. Turkey, No. 59601/09, 17 September 2013. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-126355>.
17. Levages Prestations Services v. France, No. 21920/93, 23 October 1996. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58065>.

18. Edificaciones March Gallego S.A. v. Spain, No. 28028/95, 19 February 1998. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58137>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цувина Татьяна Андреевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsuvinina Tatiana Andreyevna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor of Civil Procedure Department of Yaroslav Mudryi National Law University

tsuvinat@gmail.com